

0-734023-1

На правах рукописи

ШУШПАНОВ Аркадий Николаевич

**ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО А. А. БОГДАНОВА
И УТОПИЧЕСКИЙ РОМАН 1920-х ГОДОВ**

Специальность 10.01.01 – русская литература

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Иваново 2001

Работа выполнена в Ивановском государственном университете.

Научный руководитель –

доктор филологических наук, профессор Раков В. П.

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор Мещеряков В. П.,

кандидат филологических наук, доцент Океанский В. П.

Ведущая организация –

Вятский государственный педагогический университет.

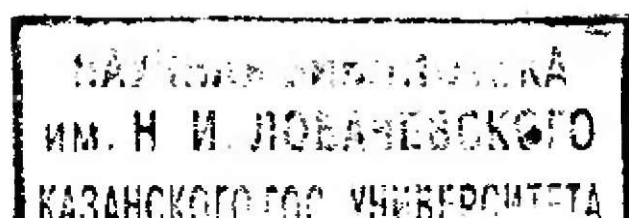
Защита диссертации состоится 29 ноября 2001 года в 10 часов на заседании диссертационного совета Д 212.062.04 Ивановского государственного университета по адресу: 153025, Иваново, ул. Ермака, 39, ауд. 459.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке университета.

Автореферат разослан "29" октября 2001 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Тюленева Е. М.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность и научная новизна. В диссертации впервые специально исследуется поэтика художественного творчества А. А. Богданова (Малиновского) (1873 — 1928). Исключительно разносторонняя личность: врач, философ, экономист, революционер, теоретик пролетарской культуры и основоположник всеобщей организационной науки — Богданов оставил заметный след во всех перечисленных видах деятельности. Просветитель в высшем смысле слова, он также стал автором двух талантливо написанных фантастических романов — "Красная звезда" (1908) и "Инженер Мэни" (1912). Первый из них вызвал благожелательные отзывы критики и рядовых читателей, был высоко оценен А. М. Горьким и А. В. Луначарским, сыграл важную роль в становлении отечественной научной фантастики. Второй роман был единодушно отвергнут и признан решительно неудачным. После трагической гибели Богданова в результате фатального медицинского эксперимента о его произведениях надолго забыли и вспомнили уже во второй половине XX века. Однако сходные с первоначальными оценки повторились снова с небольшими вариациями.

В настоящее время наблюдается устойчивое возрастание интереса к теоретическому наследию мыслителя, переиздан ряд его трудов. Этот процесс затронул и литературное творчество: романы Богданова неоднократно издавались вновь, предпринимались публикации ранее неизвестных произведений (стихов, воспоминаний). В то же время наметилась тенденция рассматривать литературные опыты Богданова лишь как беллетризованное изложение его социальных и естественнонаучных идей. Несмотря на увеличение общего числа работ о Богданове, его романы до сих пор не становились предметом отдельного исследования, их целостного поэтологического анализа не проводилось.

Вопросы поэтики богдановского творчества тесно связаны с более широкими проблемами утопического и научно-фантастического романа. Их теоретическое осмысление на избранном нами материале представляется важнейшим аспектом диссертации. Жанровая природа утопии и научной фантастики остается одним из "белых пятен" литературоведения.

Специфика утопического романа нам видится в его "пограничном" положении в искусстве. Утопия с трудом поддается филологическому анализу, т. к. это в большей степени феномен мысли, нежели художественного слова. С другой стороны, ее нельзя

рассматривать, игнорируя образные средства. Присущий любой утопии эстетизм делает ее родственной искусству.

Тезис о "пограничном" искусстве отчасти верен и для научной фантастики. К настоящему времени единого понимания утопии не выработано, однако ситуация с научной фантастикой еще сложнее. Отсутствие представления о четких жанровых признаках на разных этапах развития вызывает бурные дискуссии, с некоторых пор ставится под сомнение правомерность самого термина. Изучение романов Богданова, по общему мнению, одного из основоположников жанра в России, может предоставить новые данные для понимания особенностей утопического и научно-фантастического творчества.

Романы Богданова в тексте диссертации исследуются не изолированно, а в сопоставлении с наиболее характерными образцами утопического и научно-фантастического жанра 1920-х годов – самого плодотворного времени для подобной литературы. Следует отметить, что элементы научной фантастики в избранных нами произведениях изучены более основательно, нежели элементы собственно утопии. Наш анализ призван восполнить этот пробел.

Материалом исследования стали романы "Красная звезда" и "Инженер Мэнни", малоизвестные тексты Богданова (рассказ "Праздник бессмертия", стихи, записные книжки, а также наброски, сохранившиеся в архивах писателя), письма, научные работы – в первую очередь "Тектология". В качестве контекста привлекаются так называемая фантастическая трилогия А. Платонова ("Потомки солнца", "Лунная бомба", "Эфирный тракт"), роман Я. Окунова "Грядущий мир", повести К. Циолковского "Вне Земли", В. Игина "Открытие Ризля", А. Чайнова "Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии".

В тексте диссертации неоднократно упоминаются известные антиутопии, созданные в первое послереволюционное десятилетие, однако специального анализа этих произведений не проводится. Объект нашего исследования – "позитивная" утопия и ее поэтологические принципы, которые, замечено, существенно отличаются от антиутопических. Впрочем, в целом ряде названных выше произведений анализ выявил достаточно размытую границу между "позитивной" и "негативной" утопией.

Цель исследования – всесторонний анализ романно-утопического и научно-фантастического творчества А. А. Богданова и его сопоставление с другими соответствующими текстами, близкими по времени создания.

Поставленной цели отвечают следующие задачи: исследование эволюции творчества Богданова, изучение поэтики его романов,

описание типологии жанра утопического романа, а также исследование утопического мышления автора "Красной звезды" и "Инженера Мэнни". В этой связи специально изучаются эстетические принципы творчества писателя в контексте духовных исканий Серебряного века, равно как и поисков более позднего времени, связанных с развитием жанра утопического и научно-фантастического романа.

Теоретической базой исследования послужили труды А. Э. Штекли, Ч. С. Кирвеля, В. А. Чаликовой, Е. Шацкого, Г. Гюнтера и других ученых об утопии и утопическом сознании, а также А. Ф. Бритикова, Е. П. Брандиса, В. А. Ревича – о научно-фантастической литературе. Кроме того, важнейшую роль сыграли работы Г. Д. Гловели, посвященные теоретическому наследию А. А. Богданова

Методология исследования определялась тем сложным "пограничным" положением, которое занимают в литературе романы Богданова в силу своей синтетической природы. Это обусловило проведение исследования фактически на стыке литературоведческой и философской проблематики. В изучении творчества Богданова мы синтезировали элементы целостного, типологического и структурного анализа. Большое место уделено сопоставлению романов самого Богданова с произведениями современных ему писателей. Как показывает опыт, именно сопоставительный анализ фантастической литературы способен принести наиболее плодотворные результаты, так как в ней акцент переносится со *слова* на *сюжет*. Последнее замечание, думается, характерно и для утопии.

Практическая значимость работы. Материалы исследования могут быть использованы при разработке общих и специальных курсов по истории русской литературы первой четверти XX века, в процессе преподавания философии и культурологии. Возможно применение достигнутых нами результатов при издании и комментировании произведений А. А. Богданова и других изучаемых нами авторов, составлении антологий и справочных изданий по научной фантастике и утопии.

Апробация результатов проводилась на международных научно-теоретических конференциях в Иванове (1999, 2000, 2001-й годы) и Москве (2000-й год). Работа обсуждалась на кафедре теории литературы и русской литературы XX века Ивановского государственного университета. По теме диссертации написано и опубликовано 11 научных работ, перечень которых приводится в конце автореферата.

Структура и объем диссертации. Текст работы состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка,

включающего 191 наименование. Общий объем – 237 страниц компьютерного набора.

СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении определяется актуальность исследования, формулируются цель и задачи проводимой работы, устанавливается теоретическая база и методология. Кроме того, обосновывается выбор материала исследования и очерчивается круг проблем: поэтика романного творчества А. А. Богданова; специфика утопического романа и его эволюция в описываемый нами период; сущность научной фантастики и ее отношение к утопии.

В первой главе, озаглавленной "Поэтика "Красной звезды" как романа-утопии", предпринят анализ наиболее известного романа Богданова.

"Красная звезда" занимает особое место в отечественной и мировой утопической литературе. Отмеченная широта и разносторонность интересов автора и синтетический характер его дарования привели к тому, что богдановский роман-утопия оказался в точке пересечения многих духовных, социальных и художественных тенденций своего времени. Писатель впервые удачно поместил утопическое и научно-фантастическое содержание в повествовательную структуру романа. До него утописты редко называли свои произведения романами. В центре внимания автора "Красной звезды" не просто высокоразвитое общество, модель которого перенесена на Марс, а становление личности в подобном социуме. Богданов не скрывает серьезных проблем, с которыми приходится столкнуться его герою Леониду в поисках своего места в мире марсиан. Противоречия в итоге становятся почти непреодолимыми, тем не менее писатель не терял веру в практическую осуществимость своего идеала. Утопия Богданова, отнюдь не бесконфликтная, обладала большой притягательной силой.

Обзор отзывов о романе почти за сто лет показывает, что из-за сложности идейного содержания "Красной звезды" в разные исторические периоды актуализировались и различные его стороны. В первой четверти XX века роман воспринимали как социалистическую утопию; в 60-е годы, время взлета советской научной фантастики, вспомнили и заговорили о Богданове-фантасте; наконец, со второй половины 80-х годов, когда к читателю стали возвращаться научные и публицистические работы автора, в "Красной звезде" стали видеть образное воплощение его теоретических идей, в том числе и

социальные предостережения. Практически не ставится под сомнение, что художественные достоинства романа значительно уступают интеллектуальным. Стоит заметить, что утопия Богданова едва ли бы удержала интерес читателя, если бы за ней не скрывалась фигура столь выдающегося ученого и общественного деятеля.

Жанровое своеобразие "Красной звезды" во многом определила научно-техническая сторона богдановской утопии. Здесь обращают на себя внимание два момента: предельно детализированное описание техники марсиан и ее эстетизация. Довольно громоздкие пояснения принципов работы летательных аппаратов и марсианских технологий на страницах романа знаменует начальный этап освоения литературой новых реалий. Нами прослежено и развитие способов изображения техники на других этапах. Начиная со второй половины XX века фантасты избегают скрупулезных описаний "материальной культуры" будущего: остается лишь знаковая символика техники, а зачастую наблюдается и принципиальный отказ авторов выдвигать какие-либо научно-технические идеи. В настоящее время в некоторых произведениях (например, "Принц Госплана" В. Пелевина) может отсутствовать и сам знаковый символ при сохранении его функции.

Представляется, тем не менее, что для самого Богданова пристальное внимание к технике марсиан имело смысл как характерное стремление творца утопии предусмотреть абсолютно все в рамках своей системы (изображая общественную жизнь на Марсе, писатель этого избегал). В число утопических ценностей он включает и техническую эстетику. Наука становится средством сделать искусство определяющим элементом жизни. Подобным образом выразилось в "Красной звезде" присущее всей эпохе Серебряного века стремление переустроить жизнь по законам искусства.

Научно-фантастический образ у Богданова, как правило, триедин: конкретная научно-техническая задача – художественная задача в романе – символ. Это демонстрируется на примере гипотезы о человекоподобии облика марсиан.

Эстетизм в "Красной звезде" является всеобъемлющим, временами он даже деформирует логические построения автора. Однако эстетика романа – чисто утопическая: писатель оперирует строгими, геометрически правильными формами (само пространство утопии – поверхность Марса – расчерчено каналами), образы телесны и статуарны, художественная реальность дается прежде всего через тело и вещь.

Эстетические идеи, выраженные в "Красной звезде" и нашедшие законченное авторское обоснование в главном труде Богданова

"Всеобщей организационной науке (Тектологии)", обнаруживают свою близость к матрице так называемого "органического мышления", распространенного в русской культуре. На это указывает само сходство терминов – "органический" и "организационный".

Наиболее значимые моменты в учении Богданова и в "органицизме" следующие: красота как высшая целесообразность; синонимичность понятий красоты и нравственности (и то, и другое для Богданова – показатели высокой степени организованности); принципиальное неразличение искусства и жизни; представление о мифе как о способе организации опыта. С "органицистами" начала XX века Богданова объединяют и представления о социальном генезисе культуры. Кроме того, автор "Красной звезды" использует в "Тектологии" сравнение систем любого уровня с физиологическим организмом. Восприятие реальности как архитектурного сооружения или скульптурного ансамбля, характерное для "органицизма", одновременно присуще и утопическому сознанию. В этой связи обращение Богданова к жанру утопии представляется обусловленным его мыслительной стратегией.

Специальный раздел посвящен изучению стиля "Красной звезды". Элементы богдановского стиля в романе мы подразделяем на две взаимосвязанные группы: характерные философско-утопические идейные мотивы и образно-языковые средства.

Три основных идейных лейтмотива утопии Богданова исходят из формулы научной организации мира для человека: борьба с природой (преодоление стихийности мира и в то же время ощущение невозможности победы в этой борьбе); любовь, свободная от любых догм и принуждения (преодоление трагического для писателя разрыва между личностью и коллективом); свобода самоубийства (по отношению к коллективу индивид вторичен, поэтому личная смерть не страшна).

В отличие от традиционных утопических моделей, цивилизация марсиан не статична, а динамична. Необходимость постоянно развиваться приводит ее к непримиримому конфликту с иррациональной, "стихийной" природой. Марсиане на деле не добились гармонии, а просто вытеснили дисгармонию за пределы своего общества. Возмутившее всех предложение математика Стэрни уничтожить землян и заселить их планету – лишь крайность мировоззрения, когда все стихийное, неорганизованное считается враждебным.

Столь же неразрешимым представлялся Богданову конфликт между личным и коллективным, даже если предпочтение безоговорочно отдается последнему. Путь преодоления этого писатель

видит в любви, которая есть "высший разум". Проявления этого чувства, в данном случае очень широко понимаемого, – и идея союза двух миров, Земли и Марса, и "свободная" любовь среди самих марсиан, и, наконец, "товарищеский" обмен кровью. Марсианское общество оказывается своего рода единым организмом с общим кровотоком. Однако это приводит к тому, что личность не ощущает своей самоценности – отсюда и частые случаи суицида среди марсиан: когда мера ответственности перед коллективом слабеет, ее не заменяет ответственность перед собой.

С идеей всеобщей организации связана и проблема языка романа Богданова. Писатель выдвинул тезис о "монизме" понятий, предлагая, в частности, очистить язык от лишних напластований, например, от узкоспециальной терминологии. В романе это привело к сухой рассудочности речи, причем не только марсиан, но и героя-повествователя Леонида. Такой стиль речи нарушается только тогда, когда говорится о "дикой", стихийной Земле или Венере.

Парадоксально, но предельная рациональность речи и деятельности марсиан создает у главного героя обратное впечатление – иррациональности, магии происходящего. Утопия смыкается с мифическими структурами мышления. Темы "утопия и миф", "наука и миф", как и мотив борьбы с природой, будут развиты в фантастике более позднего времени (например, в творчестве А. Н. и Б. Н. Стругацких).

Постановка проблемы языка будущего явилась откликом Богданова на непосредственно наблюдаемый им переход к новому типу цивилизации – информационной. Вопрос о слове как средстве преобразования реальности пронизывает литературу того времени, когда писатель работал над "Красной звездой". Не случайно проблема информационных ресурсов языка занимает одно из важнейших мест и в богдановской "Тектологии".

Во второй главе, "Утопическое и научно-фантастическое творчество Богданова после "Красной звезды" " предпринимается анализ романа "Инженер Мэнни", рассказа "Праздник бессмертия", отдельных набросков и замыслов ненаписанного третьего романа.

"Инженер Мэнни" создавался в одно время с первой частью "Всеобщей организационной науки". То, что еще только намечалось при работе над "Красной звездой", приобрело зримые очертания и, окончательно оформленное теоретически, заняло основное место в идейной концепции романа. "Инженер Мэнни" считается продолжением "Красной звезды", хотя действие разворачивается задолго до событий романа-утопии, и вне ее контекста рассматриваться не может.

Второй роман Богданова был холодно встречен критикой, главным образом из-за того, что автор на его страницах проповедовал свои "организационные" идеи. В жанровом плане "Инженер Мэнни" представляет собой менее цельное образование, чем "Красная звезда": в нем соединены элементы социальной и научной фантастики, утопии и антиутопии; роман можно назвать и "фрагментарной утопией" (в терминологии Вюарне). По сравнению с "Красной звездой", здесь существенно усилено диалогическое начало. Ряд утопических признаков выражен в этом произведении значительно явственнее, чем в первом романе Богданова, более жанрово "чистом" (строгая иерархичность нарисованной общественной модели, картины громадных коллективныхстроек, авторская позиция творца). В центре романа не столько общество, сколько личность на разных этапах развития культуры. Инженер Мэнни — представитель "старой", индивидуалистической культуры, воплощающий одновременно и еще более архаичный принцип авторитета (он аристократ по происхождению и республиканец по убеждениям). Его сын, инженер Нэтти — уже деятель "новой", пролетарско-коллективистской культуры. Если в "Красной звезде" утопический социум был независим от Леонида, хотя тот был не только наблюдателем, но и активным участником событий, то здесь Мэнни выступает своеобразным демиургом нового мира. Однако в этом романе результат мысленного эксперимента автора оказался более уязвимым, чем в утопии: писателю понадобилось создать специальные условия (особенности климата и географии Марса, спроецированные на культуру марсиан), чтобы реализовать свою модель общественного развития. Впоследствии Богданов попытался воплотить свои идеи всеобщей организации уже не на страницах фантастического произведения, а на практике.

Пафос "организации" природы для человечества в "Инженере Мэнни" также усилен. Тема борьбы со стихиями становится сюжетообразующей: действие разворачивается вокруг постройки глобальной сети марсианских каналов. Другой мотив, заявленный в "Красной звезде", — неизбежный конфликт между личностью и коллективом, — дается во втором романе Богданова под несколько иным углом зрения: в труде отдельной личности воплощается деятельность всего коллектива, даже если под таковым коллективом понимать все человечество. Фигура инженера Мэнни — персонификация трудовых усилий миллионов людей, направленных на благоустройство своей планеты. Правда, по мысли автора, подобное возможно лишь в начальные эпохи — авторитета и индивидуализма. На последнем историческом этапе, коллективистском, пролетариат заявляет себя самостоятельно, не нуждаясь в гениях-одиночках вроде

Мэнни. Это и происходит в мире "Красной звезды", где нет великих людей, а есть только великие события. Сам инженер Мэнни не может принять идеи наступающего будущего и в финале кончает с собой. Однако его самоубийство – не столько личная капитуляция, сколько жертва во имя победы того нового, что несет с собой Нэтти.

Теме жертвенности в романе противостоит тема духовного и социального вампиризма. Фольклорную легенду о вампирах Богданов трактует в тектологическом ключе: как метафору одной из организационных закономерностей. "Вампиром" может оказаться отдельная личность, общественный класс или идея, уже исчерпавшие свое позитивное содержание, но продолжающие пить соки "живой жизни", забирая больше, чем отдавая. Этот образ "отзеркаливает" всеобщее переливание крови в "Красной звезде". Этика марсиан будущего, основанная на чувстве ответственности перед коллективом, часто толкает их на самоубийство, поскольку они, как и Мэнни, в конце жизни не желают становиться такого рода "паразитами".

В эпилоге романа разрешение большей части проблем автор видит во "всеобщей организационной науке", которая, объединив весь опыт человечества, призвана служить инструментом создания идеального общества.

В "Инженере Мэнни" углубляется пунктирно намеченная в "Красной звезде" мысль о том, что развитие цивилизации – информационный процесс. Слово выражает идею, воплотившую трудовые усилия людей – и одновременно управляет ими, так как, не будучи названными, усилия теряют единство и направление. Слово находится в двусторонней связи с миром: и отражает смысл, и придает его.

Кроме элементов утопии и антиутопии, в этом романе сталкиваются и два родовых начала – эпическое и драматическое. Основная стихия романа – диалог, полемика между Мэнни и Нэтти, постепенно переходящая в сотрудничество. Богданов не случайно намеревался переработать роман в пьесу с подзаголовком "Драма миров" (план и пролог сохранились в архиве писателя). Но в диалогическое повествование вторгается эпика, когда живописуются сцены Великих Работ по строительству каналов. Язык произведения чутко реагирует на изменение родовых форм.

Некоторые образы в эпических сценах романа позаимствованы Богдановым из черновиков другого, так и не написанного. Роман "Леонид" (сохранилась глава II), по всей вероятности, должен был стать продолжением "Красной звезды", но писатель отказался от замысла, приступив к работе над "Инженером Мэнни". В дошедшем до нас фрагменте примечательно двойное изображение отношений

"человек – машина": резко антиутопическое (карательное войско) и утопическое (мастерская). Язык отрывка экспрессивен, ярко метафоричен – как в эпизодах "Инженера Мэнни", где изображается коллективный труд. Фраза "Настанет день!" стала заголовком стихотворения, которое также должно было войти в данный роман, но оказалось опубликованным в качестве приложения только после революции.

Нереализованный романский замысел также лег в основу стихотворения "Марсианин, заброшенный на Землю" (октябрь 1920 г.). Фабула диаметрально противоположна "Красной звезде": марсианин остается в одиночестве на чужой планете, страдая от разрыва двух культур, подобно Леониду в утопии. Если включить стихотворение в систему романов, то "космос Богданова" приобретает триединую структуру, выстроенную по принципу "Божественной Комедии". Но, в отличие от Данте, автор движется в обратном порядке: из Рая "Красной звезды", минуя Чистилище "Инженера Мэнни", — в Ад "Марсианина...". Уровни, к тому же, расположены не в пространстве, а во времени, и будущее в данной системе представляет большую ценность, нежели прошлое. Впоследствии писатели-фантасты будут широко использовать ситуацию, когда представитель высокоразвитой цивилизации, очутившись среди более "примитивных" инопланетян, пытается ускорить ход исторического прогресса, причем в единственно верном, как ему кажется, направлении (например, "Трудно быть богом" А. Н. и Б. Н. Стругацких).

Марсианин в стихотворении Богданова мечтает о победе над смертью. Данной теме посвящен рассказ "Праздник бессмертия" (в письме Горькому писатель упоминает рассказ-утопию "Смерть" – по-видимому, ранний вариант названного). Известно, что Богданов вполне серьезно разрабатывал проблему продления жизни и омоложения организма с помощью переливания крови. В "Празднике бессмертия" построение утопического общества будущего стало возможным благодаря созданию "физиологического иммунитета". Развертывая фабульно сходную с "Инженером Мэнни" историю научного открытия гениального ученого Фриде и его духовного краха, автор использует ту форму научно-фантастического рассказа, которая сохранилась и до наших дней: из некоего фантастического допущения выводится целая модель мира. Примечателен здесь и новый взгляд на "борьбу со стихиями": Богданов показывает, что вмешательство в механизмы природы с целью их умозрительного "улучшения" способно завести человечество в тупик. На материале и "Красной звезды", и данного рассказа можно утверждать, что Богданов одним из первых в литературе XX века поднял проблему экологического кризиса.

В третьей главе, "Традиция Богданова в утопии 1920-х годов", рассматриваются некоторые наиболее яркие образцы ранней советской утопии в сопоставлении с богдановским творчеством.

Развитие жанра в первое послереволюционное десятилетие происходит на фоне скрытой полемики между "позитивной" и "негативной" утопией. В то же время "чистых" жанровых образцов создано почти не было: наблюдается процесс постепенного поглощения утопического содержания научно-фантастическим. На рубеже 20 — 30-х годов утопический элемент часто исчезает целиком, а фантастический все более тяготеет к так называемому "ближнему прицелу". Первоначальный бурный рост связан и с общим пафосом преобразования мира, и с появлением нового читателя — главным образом, представителя "технической интеллигенции". Жанр становится средством литературного самосознания данного общественного слоя. Показателен пример К. Э. Циолковского: ставя целью своего творчества лишь популяризацию идей освоения космоса, ученый тем не менее не смог изобразить технический прогресс без прогресса социального и в свою наиболее зрелую повесть "Вне Земли" включил главу об утопическом обществе будущего — "Состояние человечества в 2017 году" (повесть написана еще до революции). Описание жизни первых космических колоний у Циолковского воспроизводит на новом "технологическом" уровне мифологему "золотого века".

В 1920-е годы утопия приобретает некоторые ранее не свойственные ей черты, так как нередко сочетается с иными жанрами (политическим памфлетом, орнаментальной прозой, даже антиутопией). При этом зачастую теряется интеллектуальная глубина, присущая старым образцам, в том числе романам Богданова. Если последний, адресуя свои произведения грамотным пролетариям, ставил просветительские задачи, то авторы первых советских утопий — прямо агитационные. Казалось, что основные идеологические проблемы уже решены марксизмом, — поэтому искали не путь, а способ движения вперед. Попытка восстановить утопию впоследствии была предпринята в 60-е годы, но произошло это уже в ином качестве. После "Туманности Андромеды" Ефремова утопия разрушается как жанровая целостность, становится фрагментарной.

На материале романа Я. Окунева "Грядущий мир" показано, что даже в "облегченном" массовом варианте, соединенном с авантюрно-приключенческим романом и написанном кинематографическим языком, утопия сохраняет основные жанрообразующие принципы. К ним относятся: пространственная изоляция, сквозной эстетизм, телесно-вещественный способ

изображения, скульптурные образы персонажей. Мотивы, намеченные Богдановым (организация труда, перемена профессий), превращаются в штампы и доводятся до крайности. Стоит согласиться с выводом В. А. Ревича о непринципиальной разнице утопической модели, нарисованной в "Грядущем мире" Окунева и в романе Замятина "Мы". Примечательно, что герой окуневской утопии, так же как Леонид в "Красной звезде", переживает в итоге психологический срыв, не выдержав столкновения с новыми реалиями. Однако в отличие от романа Богданова здесь ситуация разрешается практически по "рецептам", применяемым персонажами "Мы", — с помощью манипуляций над сознанием в "клинике эмоций".

Книга Окунева знаменовала трансформацию жанра утопии из интеллектуального чтения в подвид массовой приключенческой фантастики, выполняющей не только агитационную, но и научно-популяризаторскую функцию. Автор не столько выдвигал какие-либо оригинальные идеи, сколько эксплуатировал готовые, и даже подчеркивал это в предисловии. "Грядущий мир" распадался на две части: первая представляла собой политический памфлет со сквозным сюжетом о судьбе открытия, вторая — собственно утопию, которую писатель выстраивал по классическому канону, хотя и несколько вульгаризированному. Другие авторы, чьи произведения мы привлекаем для анализа, избегают традиционных схем (каждый по-своему) и опираются на собственные технические и гуманитарные идеи, зачастую, подобно Богданову, придавая им научное обоснование. В повести В. Итина "Открытие Ризля" ("Страна Гонгури") внимание сосредоточено не на деталях социального устройства утопического мира (как и у Богданова, перенесенного на другую планету), а на существовании личности в этом мире. Итин приходит к выводу, что яркая индивидуальность неминуемо вступит в конфликт с благоустроенным обществом, где сглажены все противоречия. Жители фантастической Страны Гонгури предпринимают колонизацию "диких" планет (в тексте есть переключки с "космическими" сценами "Красной звезды"). Но если богдановские марсиане осваивают Венеру под влиянием экологического кризиса, вызванного борьбой с природой, то гонгурийцы — под влиянием кризиса духовного. Природа уже им подвластна, однако жажда борьбы и деятельности гонит прочь с планеты наиболее энергичных людей. Другой способ решения проблемы — создание добровольной резервации для выдающихся и амбициозных личностей. Характерно, что этот же ход впоследствии применит Олдос Хаксли, но уже в антиутопии "О, дивный новый мир". Усиление внимания к личностному началу привело к "драматическому лиризму" стиля (термин А. Ф. Бритикова). В "Красной звезде"

экспрессия на уровне языка проявляет себя редко, язык "Открытия Риэля", напротив, пронизан ею.

Наособицу в общем ряду стоит повесть А. Чаянова "Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии". Сохраняя основные параметры жанра, Чаянов применяет два новаторских приема. Во-первых, его утопия приобретает стереоскопичность за счет введения элементов антиутопии: прямых – в начальных главах (описание близкого тоталитарного будущего, своего рода "фантастика ближнего прицела" наоборот), косвенных – в последующих (нарочитая "романность", установка на литературную игру, иррациональное объяснение происходящих событий, пародия). Парадоксально, что Чаянов, как и автор "Красной звезды", вполне верил в осуществимость своего идеала и в основу своей утопической модели закладывал собственные разработки. Во-вторых, писатель совмещает образ будущего с идеалом прошлого, "античной Руси". Утопия Богданова – динамическая система, развивающаяся в единственном направлении; утопии Окунева и Итина достаточно статичны (в "Открытии Риэля" развитие цивилизации не объективный процесс, а результат действий активных гениев-одиночек). Мир Чаянова замкнут во временном кольце: "высокие технологии" будущего лишь поддерживают патриархально-крестьянский уклад, объявленный идеальным общественным строем. В то же время автор иронизирует над собственной утопической картиной. "Путешествие...", как и все рассмотренные нами произведения, заканчиваются духовной катастрофой личности. Однако в других утопиях проблемная ситуация все же получает разрешение (возвращение Леонида на Марс, героическая смерть Гелия-Риэля, "клиника эмоций"). Чаянов оставляет своего героя в безысходном положении. Неблагополучный, "открытый" финал подчеркивает неоднозначность всего случившегося.

Перечисленные выше произведения исследуются в утопическом контексте. Думается, раннее научно-фантастическое творчество Андрея Платонова, испытавшего на себе большое влияние тектологических идей Богданова, имеет своим истоком "Инженер Мэнни". На общее сходство впервые обратил внимание М. Геллер. В рассказе "Потомки Солнца" нами выявлены сюжетные аллюзии с указанным романом Богданова. Платоновский герой, инженер Вогулов, руководит работами по перестройке земного шара, также создавая каналы, но не для водных, а для воздушных течений. Его методы близки к положениям "всеобщей организационной науки", однако цели намного шире – пересотворение Вселенной и человека. Характерно, что сообщество людей предстает в рассказе единым организмом.

И Вогулов, и Мэнни не самодостаточны – их человеческая сущность неотделима от профессиональной. Оба не воспринимаются вне маркера "инженер" (подобный социальный "определитель" в романе Богданова носят все персонажи – "рабочий вождь Арри", "экономист Ксарма" и т. д.). В то же время результаты личностного развития этих двух героев оказались противоположными. "Холодный" и "твердый" Мэнни ценой жизни побеждает в себе демоническое начало ("Вампира"-двойника), а Вогулов, наоборот, культивирует его: превращается в "сатану сознания", убив свое "теплокровное божественное сердце".

Такого рода человеческий феномен выведен и в рассказе Платонова "Лунная бомба". Инженер-организатор Петер Крейцкопф своим изобретением стремится приблизить человека к человеку (богдановская идея всеобщего коллективизма, подхваченная и творчески переосмысленная писателем). Но авторское отношение к этому типу творца сложнее: энергия деятельности Крейцкопфа всегда оборачивается злом. Иным становится и отношение к науке и технике: безусловное воспевание сменяется требованием большего "гуманистического" содержания. Крейцкопф погибает, не найдя выхода из нравственного тупика, так как утратил свою первоначальную цель.

Попытка разрешить намеченные ранее конфликты делается Платоновым в повести "Эфирный тракт". Здесь "инженерское" сознание явлено в двух типах творцов, практически по схеме "Инженера Мэнни": "старого" (Попов, Матиссен) и "нового" (отец и сын Кирпичниковы). Реального столкновения между поколениями нет, а есть сотрудничество и преемственность знания.

Особым нравственным мерилom для героев "Потомков Солнца" и "Эфирного тракта" служит образ матери. Ранее такой образ появляется в "Инженере Мэнни". Здесь он обладает любопытным евангельским подтекстом: демиург-отец Мэнни, его сын Нэтти, провозвестник новой истины ("всеобщая организационная наука"), и Нэлла – воплощение материнского и вечно женственного начала. Подтекст объясним с помощью богдановской идеи о мифе как слособе организации опыта.

Авторский взгляд двух писателей объединяет и восприятие мира как телесной сущности – эфир Платонов называет "генеральным телом". Но в повести преодолевается неразрешимый у Богданова конфликт с природой: герои движутся от борьбы к сотворчеству. Человек предстает одновременно венцом природы и ее инструментом для развития самой себя (сходная концепция впоследствии встречается в творчестве М. Веллера). Платонова перестает удовлетворять

утопическая схема, так как та вырывает людей из природы, тем самым обесчеловечивая их.

В исследуемых нами произведениях Платонова и Богданова происходит перенесение стиля и методов научного мышления (моделирование, мысленный эксперимент) в сферу художественной литературы. По этой причине структурные элементы произведения деформируются, зачастую теряя присущую искусству неоднозначность: научное мышление стремится к обратному. В зрелом творчестве Платонов сумел это преодолеть. Богданов никогда не ставил перед собой такой задачи.

В заклучении обобщаются проделанные наблюдения и намечаются перспективы дальнейшего изучения затронутых в диссертации вопросов.

Тесная связь утопии с научной фантастикой, отмеченная нами во всех рассмотренных произведениях, означает, что последняя становится одним из элементов самосознания цивилизации на новом этапе развития. Научное мышление в то же время служит опорой для традиционных утопических установок, что было показано на материале романов Богданова.

В настоящее время утопия практически не встречается в литературе вне сферы научной фантастики. Попытки отказаться от "научности" оставляют неизменными сами принципы создания текстов. Из-за указанной выше деформации к ним лишь с относительным успехом может быть применен инструментарий литературоведения. Полезным представляется разработать специальную методологию исследования, частично намеченную нами (предлагается, в частности, ввести термин "идея-образ", так как в фантастике эти два понятия практически сливаются, а в литературе иного типа образ самоценен). Также целесообразным видится изучать утопию и научную фантастику не только в литературоведческом, но и в культурологическом ключе.

Положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. К вопросу о природе научной фантастики (Постановка проблемы) // Ивановский государственный университет. 25 лет Юбилейный сборник тезисов статей молодых ученых. Иваново, 1998. С. 15 – 16.

2. О романном творчестве А. А. Богданова // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века: Межвуз. сб. научн. тр. Иваново, 1999. С. 364 – 365.

3. Об одном принципе романного творчества А. А. Богданова (На материале романа-утопии "Красная звезда") // Филологические штудии: Сб. научн. тр. Вып. 3. Иваново, 1999. С. 97 – 103.

4. А. А. Богданов и тип пролетарской интеллигенции // Интеллигент и интеллигентоведение на рубеже XXI века: Итоги пройденного пути и перспективы. Тезисы докладов X-й международной научно-теоретической конференции. 22 – 24 сентября 1998 г. Иваново, 1999. С. 350 – 351.

5. А. В. Чайнов и утопия 20-х годов: проблема жанра // Потаенная литература. Исследования и материалы. Приложение к вып. 2. Иваново, 2000. С. 74 – 80.

6. "Открытие Ризля" Вивиана Итина как утопия (К постановке проблемы) // Филологические штудии: Сб. научн. тр. Вып. 4. Иваново, 2000. С. 27 – 34.

7. Всеобщая организационная наука и "органическое" мышление // Тектологический альманах. Вып. I. Труды международной научной конференции "Тектология в XXI веке". М., 2000. С. 325 – 329.

8. Непрочитанный роман Александра Богданова // Генезис, становление и деятельность интеллигенции: Междисциплинарный подход. Тезисы докладов XI международной научно-теоретической конференции 20 – 22 сентября 2000 г. Иваново, 2000.

9. Эстетическое начало в утопии А. А. Богданова "Красная звезда" // Вестник Международного Института А. Богданова. 2000. № 3. С. 76 – 83.

10. К вопросу о жанре романа А. А. Богданова "Инженер Мэнни" // Молодая наука – XXI веку: Тезисы докладов международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Иваново, 19 – 20 апреля 2001 г.: В 7 ч. Ч. I. Филология. Иваново, 2001. С. 94 – 95.

11. Некоторые особенности развития жанра утопии в 1920-е годы // Филологические штудии: Сб. научн. тр. Вып. 5. Иваново, 2001. С. 13 – 23.